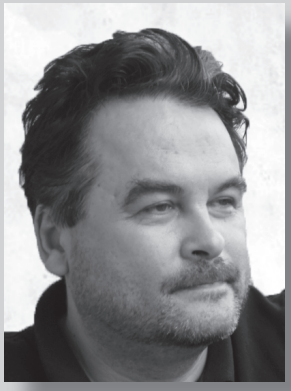
2. Монтень М. Опыты. Кн.1. Гл. XX. С. 144–145. // Монтень М. Опыты. В 3 кн. М.: Терра-Terra. 1991. Кн.1. 512 с.
3. Гагарин А.С. Экзистенциалы человеческого бытия: одиночество, смерть, страх. От античности до Нового времени. – Екатеринбург: Издательство Уральского университета. 2001. 372 с. С. 5–12.
4. (Тибулл). См.: Монтень М. Опыты. Кн. 1. Гл. XXXIX. С. 377. // Монтень М. Опыты. В 3 кн. М.: Терра-Terra. 1991. Кн.1. 512 С.
5. Монтень М. Опыты. Кн. 1. Гл. XXXIX. С. 387. // Монтень М. Опыты. В 3 кн. М.: Терра-Terra. 1991. Кн. 1. 512 с.
6. Делюмо Ж. Ужасы на Западе. М.: Голос, 1994. 416 с. С. 3–7.
7. Делюмо Ж.С. 213
8. Делюмо Ж.С. 214–215.
9. Монтень М. Опыты. Кн. 2. С. 35 // Монтень М. Опыты. В 3 кн. М.: Терра-Terra, 1991. Кн. 2. 715 с.
10. Монтень М. Опыты. Кн. 1. С. 116 // Монтень М. Опыты. В 3 кн. М.: Терра-Terra, 1991. Кн. 1. 512 с.
11. Монтень М. Опыты. Кн. 1. С. 119 // Монтень М. Опыты. В 3 кн. М.: Терра-Terra, 1991. Кн. 1. 512 с.
12. Монтень М. Опыты. Кн. 1. С. 132–133 // Монтень М. Опыты. В 3 кн. М.: Терра-Terra, 1991. Кн. 1. 512 с.
13. Монтень М. Опыты. Кн. 2. С. 32 // Монтень М. Опыты. В 3 кн. М.: Терра-Terra, 1991. Кн. 2. 715 с.
14. Монтень М. Опыты. Кн. 2. С. 32 // Монтень М. Опыты. В 3 кн. М.: Терра-Terra, 1991. Кн. 2. 715 с.
15. Монтень М. Опыты. 1991. Кн. 2. С. 423 // Монтень М. Опыты. В 3 кн. М.: Терра-Terra, 1991. Кн. 2. 715 с.
16. Монтень М. Опыты. Кн. 2. С. 63. // Монтень М. Опыты. В 3 кн. М.: Терра-Terra, 1991. Кн. 2. 715 с.
17. Монтень М. Опыты. Кн. 2. С. 66 // Монтень М. Опыты. В 3 кн. М.: Терра-Terra, 1991. Кн. 2. 715 с.
18. Монтень М. Опыты. Кн. 2. С. 64–71 // Монтень М. Опыты. В 3 кн. М.: Терра-Terra, 1991. Кн. 2. 715 с.
19. Монтень М. Кн. 2. С. 30–31 // Монтень М. Опыты. В 3 кн. – М.: Терра-Terra, 1991. Кн. 2. 715 с.

Романов А.В.

О САКРАЛЬНОСТИ СТРЕМЛЕНИЯ К СМЕРТИ



Романов Андрей Владимирович

кандидат философских наук, доцент кафедры философии Уральского государственного экономического университета, г. Екатеринбург

E-mail: andrei.v.romanov@gmail.com

Религиозная индивидуальность определяется единством субличностей. Религиозные субличности – динамические подструктуры личности, отличающиеся собственной концепцией Бога, греха, атеизма, парадигмой спасения и священного. Их основная функция – адаптация к «ультимативным» ценностям, т.е. к сфере сакрального. Религиозная личностная идентичность динамична: мы отождествляем наше эго то с исполнением священных запретов, то с восприятием святости каждого человека. Подобно эрогенной зоне «предельный интерес», локус сакрального, сублимируясь, перемещается от одной религиозной субличности к другой, что обуславливает последовательность стадий религиозного развития. Религия аксиологична. Faith-вера проецирует «предельную» не истину, но интерес. Человеческая душа – компендиум истории религии. В соответствии с концепцией религиосинтеза[1] выделяются основные типы индивидуальной религиозности: религиозность языческая (дефицитарная), авторитарная, закона, мазохистская, сатанизма (деструктивная), гуманистическая, духа, мистическая, святости. И среди них – религиозность, сакрализирующая ценность смерти.

Религиозное отношение к смерти двойственно и противоречиво. С одной стороны, постулируется: человек замыслен «по образу и подобию» Творца (Быт 1:26). В религии сакрализируется табу на суицид. Св. Бруно (XI век) отказывает самоубийцам в статусе мучеников, называя их «страстотерпцами во имя Сатаны». С другой стороны, придавая священный характер смерти, конституируется циничное отношение к жизни. Смерть полагается вне воли человека,

является собой чудо, покушение на нее отождествляется с греховным ограничением воли Бога. Смерть воспринимается в качестве мистерии, посвящения, основной формы спасения души, приобщения к трансцендентному Богу.

Религиозная некрофилия характеризуется стремлением к вырождению, психической и физиологической энтропии. В выборе между смертью и жизнью человек выбирает смерть. Разумом (и в пределах belief-веры) каждый осознает, что «Кай смертен», но в рамках faith-веры пребывает в реальности надежды и веры на то, что он, Иван Ильич, бессмертен.

Разочарованность в жизни проявляется в очарованности смертью. Некрофилия – следствие неосуществленности ценностей, фрустрации потребностей. Что отражается в русских пословицах: «Покойника встретить – к счастью», «Смерть – души простор», «Отдохнем, когда подохнем» и пр. В ответ на пожелания М. Лютеру жить еще сорок лет, усталый реформатор заметил, что предпочел бы отказаться от надежды попасть в рай, чем жить еще сорок лет.

В своей значимости смерть становится категорией религиозной. Явление её сакрализируется и понимается в качестве единственной реальности, а все проявления жизни – в качестве иллюзии. Образы, символы смерти становятся формами литургии. Религиозная этика слишком часто отрицает светскую нравственность. (Что символизируется в сюжете сакрального заклания Авраамом сына своего Исаака). Цель существования индуиста – достижение мокшы, окончательное устранение «прилипчивости» жизни. В начале IV века в европейском христианстве выделяется секта донатистов, согласно вероучению которых наиболее достойная смерть – достояние мучеников. Донатисты совершали массовые самоубийства.

Основными формами сакральной некрофилии являются: 1) культ трансцендентного (предполагающий циничное, обесценивающее отношение к жизни земной во имя жизни небесной; 2) мученичество; 3) умерщвление плоти; 4) традиционализм; 5) сакрализация мертвых.

Неудовлетворённость от жизни ведёт к ожиданию удовлетворения до или после земного существования. На фоне повседневности смерть являет опыт таинственного, высшего, священного. Она ассоциируется с трансцендированием – человеческой сущностью. Смерть отождествляется с мистическим актом – апофатического, молчаливого и невыразимого единения с Богом. Человек стремится раствориться в Боге – статичном, холодном, трансцендентном, антигуманном. Умершие полагаются пребывающими ближе к Богу.

Смерть дистанцирована cogito. Она существует для человека не в действительном, а в возможном, в восприятии. Для фрустрированного восприятия она является символом перехода. Смерть есть максимальное ограничение возможностей, воспринимаемое невротическим сознанием в качестве абсолютного их расширения. Для самого субъекта она воспринимается явлением противоестественным, чудесным. Смерть размыкает Dasein, cogito. И в этом смысле оно – за пределами бытия.

В религии только смерть понимается началом рождения, в качестве необходимой формы спасения души, соединения с Богом. Смерть воспринимается как Великая инициация, Посвящение, ритуал перехода (М. Элиаде). «Апокалипсис» с греческого означает «Откровение в конце времен». Чтобы преодолеть смерть, необходимо умереть. Возвещается мудрость, мистика, Откровение смерти. Как проговаривает Мухаммед: «Человек спит, и чтобы проснуться, ему следует умереть». Для шахида «смерть – награда от Аллаха».

И в христианстве невидимая жизнь начинает восприниматься только в смерти Христа. Возможность воскресения – христова и человеческого – только через смерть. В смерти люди не разделяются друг от друга, мертвые от живых, т. к. все дороги ведут ко Христу. Голгофское добровольное принятие распятия Христом, определенное волей и Отца и Сына, есть добровольное стремление к физической смерти. Без Голгофы нет Христа, христианства и спасения. Для ап. Павла между «жизнью» и «смертью» мало различий (1Кор. 3:22, Рим. 8:38, 14:8, Фил. 1:20), жизнь есть Христос, а смерть – приобретение (Фил. 1:21). Любовь к Богу сильнее любви к собственной жизни. И даже у Экхарта мы видим: «Смерть дарует мученикам бытие, они теряют жизнь и обретают бытие». К. Барт: «Новый человек» в Боге (Рим. 5:1) живет смертью Христа,

он получает существование из потусторонней жизни, которую мы можем видеть только как смерть нашей жизни[2]. Смерть воспринимается как «дверь», переход в трансцендентное. Смерть для христианина – что утренняя фея для ребенка. Как провозглашает Иисус в опере Jesus Christ Superstar: «Жить вечно можно только… смертью смерть поправ».

Первые века христианства характеризуются многообразными формами добровольного и зачастую радостного суицида мучеников, «подражающих» Христу – от предания себя в руки палачей до собственноручного самоубийства. Апостол Петр (Шимон) просит солдат перевернуть себя распятого на кресте наоборот, вверх ногами, дабы не оскорблять памяти Христа.

Во время монголо-татарского «ига» перед защитниками русских городов вопрос стоял не в том, как бороться с захватчиками, а как обрести спасение: в сражении погибнуть с молитвой или без борьбы сложить голову. Проблема противостояния врагам вытеснялась проблемой спасения в смертном страдании.

В религии утверждается необходимость подражать мертвым в равнодушии. В святоотеческой традиции частенько вместо «бесстрастия» говорится о «внутреннем омертвении». Св. Георгий провозглашает: «Никто не получает так много от Бога, как тот, кто умер». Будде приписывается сентенция: «Лучше сидеть, чем стоять, лучше лежать, чем сидеть, лучше умереть, чем жить».

Общение с останками умерших святых призвано даровать надежду, чувство благодати. В некрофилической парадигме фетишизируются мощи великих политиков и святых. Символом вечности и неизменной благотворной власти святого или политика являются их нетленные останки. Поэтому, никогда не зарастет народная тропа к усыпальнице Хо Ши Мина, мощам Симеона Верхотурского, мавзолею Ленина. Верующий нуждается не только в изображении, иконе святого, но и в тактильной евхаристии, физическом контакте с его останками. На протяжении тысячелетий в Египте производился лекарственный порошок из древних мумий, призванный выполнять магические функции. Мумии животных и людей являют собой вечную молитву богам, через них достигается доступ к их всемогуществу. Через мощи, выставляемые в церквях, дух святой призван нисходить в души и на тела людей.

Устойчивое стремление к древней тотемистской технологии причастия – вкушению крови и плоти божества, его мумифицированных представителей – рассматривается в качестве пути спасения. Некрофилическая – тотемистская и общерелигиозная – евхаристия есть общечеловеческая архетипическая установка, есть классическая форма сакральной некрофагии.

С первых веков существования в христианском мире распространены крипты – места захоронения монахов, святых в катакомбах в виде костей, черепов, служащие местами богослужений. Широко известная чешская церковь Костница богато декорирована человеческими костями.

Почитание, сакрализация покойных характеризует всю историю человечества. В покойном состоянии человек пользуется гораздо большим почитанием и любовью, чем при жизни. Он становится приближенным, «родственником» Бога. До сих пор деревенские жители на кладбищах ведут себя как в храме: крестятся на входе, у могил, которые выполняют функции икон. Через могилу покойного, мученика открывается связь с Богом. У суфиев высокая шапка символизирует надгробие, черные одежды (как и в христианстве) – могилу.

После смерти условно сакральный фараон окончательно становится Богом (даже если при жизни для современников он был «кровавым»). Смерть – простейшая технология сакрализации как первоправителей, так и рядовых членов сообщества.

Добровольная смерть оказывается предпочтительней насильственного прозелитизма, смены веры, воспринимаемой в качестве потери спасения. Нормы Талмуда позволяют иудею убить себя, если иначе он может впасть в грех идолопоклонства. В средние века групповой суицид осуществляли целые иудейские общины, которым грозило насильственное крещение. С середины XVII столетия в течение более двух столетий десятки тысяч российских старообрядцев сжигали себя в избах-скитах, спасая душу в противостоянии никонианскому православию. И сейчас мы слышим воззвания: за «предатель-

ство веры», за выход из православия, ислама – смерть.

Людей с некрофилической ориентацией притягивает созерцание мертвых тел, их влечёт на кладбища, на отпевание. Религиозный путь понимается в качестве удалённости миру, смерти при жизни. Некрофилы благоговеют к мёртвым и цинично относятся к живым. Почитая только умерших святых, боятся, преследуют современных богословов и мистиков. Историческая институциональная церковь исходит из идеологемы: святой не может быть живым, «хороший святой – это мертвый святой». Беатификация, сакрализация святых возможна лишь после смерти. Некрофилы переживают состояние энтузиазма при созерцании статуй, мощей святых, статичных икон. Некрофил видит мир падшим, лишённым значимости, святости, абсурдным, «дерьмообразным», а будущее его – ужасным, апокалиптическим. Эмпатийные чувства к миру и чужой жизни исключаются. Циничное отношение к миру есть форма проекции собственных подавленных комплексов неполноценности.

Жесты некрофила безжизненны, однообразны, лицо не выражает ничего, кроме отчуждённости, плохо скрываемого цинизма, презрения. Мумифицированность мимики и жестикуляции зачастую подается и воспринимается в качестве признака святости. Голос лишен жизненных оттенков. Смех его функционален и коммуникативен, в целом оценивается в качестве проявления ереси и богохульства. Он тяготеет к механическим ритуалам, многочасовой изнуряющей церковной службе.

Некрофил предпочитает темную, черную одежду, понимаемую в качестве одеяния заживо погребённого, символизирующую смерть для мира при жизни. Мирские, яркие цвета в одежде оцениваются в качестве признака безбожности. Образ жизни и одеяние монаха призваны символизировать архетипическую идею «смерти в миру – ради рождения свыше».

Некрофилический паттерн, анализируемый Э. Фроммом, соответствует анально-садистическому характеру и инстинкту смерти З. Фрейда. Когда, по замечанию первого, «вещи правят человеком, мёртвые – живыми; некрофил всегда предпочитает иметь, а не быть»[3]. Для некрофилов ограничения священны, жизнь, полнота, избыточность – греховны. Они почитают смерть во имя веры – свою и чужую. Религия в качестве системы – невротизирующих – психологических защит возникла из необходимости примирить человека с ужасной жизнью и с ужасной смертью. Сделка со Всемогущим, по-видимому, не состоялась, обеты ради устранения смерти оказались напрасными, и человеку остается лишь «получать удовольствие» в ожидании опыта фатального ужаса.

Некрофилы, согласно Э. Фромму, живут прошлым и не живут будущим. Они не живут и настоящим. Это традиционалисты. Агрессивное отношение к новому в религии, отождествление его с «еретическим», сакрализация прошлого, неизменности, противостояние творческому, ортодоксия также носят некрофилический характер.

Религия превращается в стратегию умирания. Некрофил аккумулирует нездоровье. Болезни телесные рассматриваются в качестве критерия здоровья духовного, печати богоизбранности. «Страдающий плотию, – пишет ап. Петр, – перестает грешить» (1Пет. 4:1). И аскетизм выступает первичной формой некрофилии. Полагается, что устранение чувств есть путь превращения человека в праведника. Человек, призывающий к этому, подспудно стремится к добиологическому состоянию. Н.В. Гоголь уморил себя голодом, постом. Его духовник внушал отказаться от творчества, от Пушкина. Пролонгированное самоубийство Гоголя было связано с религиозными поисками. Последними его словами были: «Как сладко умирать».

Некрофилическо-суицидальный «инстинкт» Танатос одновременно сублимирует и Эрос. В религиозной жизни обыденным правилом является поцелуи мощей, могильных стел (те же самые действия, но в «мирской» форме, вызывают отвращение). В храме неприлично не целовать трупы. Сексуальная некрофилия также выполняет литургические функции: она «ритуально преодолевает окончательность смерти, воплощая тем самым потаенные упования человечества, но одновременно десакрализует страх перед нею, нарушая тем самым одно из наиболее прочных табу, доставшихся нам в наследство от предков»[4]. В парадоксальной форме она трансформирует безусловность смерти в ее

условность, ограничивает и вытесняет смерть жизнью и любовью.

Для пассивного некрофилического религиозного типа характерны угрызения совести и чувство вины, превращающиеся в маниакальные комплексы. Такой человек позитивно оценивает негативные повороты судьбы, видя в них оправданное наказание свыше. Некрофил близок женскому началу. Один из атрибутов Инь – это пассивность, смерть, небытие. Он стремится создавать проблемы, «натыкаться на углы», подвергаться суетному риску, цинично относится к чужой и собственной жизни. Некрофил ничего не боится: он ищет дело, ради которого можно пожертвовать жизнью. Суицидальная установка личности рационализируется и сакрализуется: обосновывается необходимостью выработки адреналина, зарабатывания денег на опасной работе, самопожертвования ради божественных целей.

«Активные» некрофилы верят в то, что ради религии и Бога возможны манипуляция, репрессии, убийства. Испытывая стремление к осуждению, вынесению приговоров, наказаниям, уничтожению неверных ради спасения они любят приносить в жертву Богу чужие ресурсы и жизни. В технологии инквизиции насильственная мучительная смерть является гарантией спасения заблудшей души еретика. Собственные решения представляются им проявлением божественной воли, чужие, не совпадающие с ними – ересью. Жизненность активного некрофила проявляется в агрессии. Они освящают смерть, военные акции, орудия убийства. Участие в военных событиях против «неверных» оценивается в качестве подвига веры, определяемого перстом божиим. На войне во время христианского поста не возбраняется потребление мясной пищи. Поражение врагов отечества выступает гораздо более священным долгом для христианина, чем соблюдение заповеди «не убий». «Активные» некрофилы – это некрофаги.

Некрофагия проявляется в «бархатных», незаметных (при этом во всем известных), «духовных» формах. В ситуации тотального обнищания значительной части населения страны обильное госбюджетное финансирование церкви. На фоне «демократической» поляризации доходов населения строительство дорогостоящие храмовых комплексов. Принятие «антисиротского» закона – это откровенная некрофагия. Если бы мы были поэтами, то могли сказать: «Страною правят некрофилы и некрофаги».

К «некрофильским профессиям», отмечает Е. Горный, относятся те, которые связаны не столько с сохранением мертвого, сколько с манипуляцией живым: идеолог, политик, «политтехнолог». Им присуще чувство избранности, циничное отношение к «морали», что и мясникам или патологоанатомам. Они воспринимают мир как «мир объектов», в котором единственным субъектом являются они сами[5]. Цинизм российских «виннеров», «олигархов», чиновников также носит некрофилический характер. (Следует признать, что и в самой дисциплине история философии также достаточно некрофилии, «духовного родства» с деятельностью таксидермиста. Историк философии – это некромант, маг, «оживляющий» мертвые тела и вопрошающий их неупокоенные души ради решения собственных жизненных проблем).

Некрофилы любят официоз, статусность, отчуждённость, технологичность, закон, институциональность, бюрократизм, государственную власть (для которой в России также характерно деструктивное некрофилическое отношение к собственному народу). Все проблемы, отмечает Фромм, некрофилы стремятся решать только с применением силы, тяготеют к запретительным мерам; требование репрессий против инакомыслящих является некрофилической чертой[6]. Они стремятся к взаимовыгодной поддержке деструктивных («сатанинских») политических режимов.

В истории суицид зачастую оказывается последней формой социального протеста. (В суициде человек приобщается к таким атрибутам Бога как всемогущество и свобода). Его церковный запрет выступает формой подавления протестных устремлений, утверждения власти в отношение последнего, «ультимативного» проявления воли человека.

Некрофилическая интенциональность характеризует не только индивидов и малые группы, но и общности национальные, государственные. Подобная суицидальность – в виде разрушения образования, науки, здравоохранения, культуры, интеллекта – синонимична таким понятиям как «регрессия», «вырождение».

В соответствии с критерием исторической продолжительности, массовости восприятия и проявления, некрофилия есть утрамбованная в индивидуальное и коллективное бессознательное архетипичная, априорная инварианта человеческой психики. Некрофилия – не всегда осознаваемый фон, «замес» любой религиозности и многих форм повседневной жизни.

Литература:

1. См.: Романов А.В. Вера и религиозность. – Издательство Урал. гос. пед. ун-та. – Екатеринбург, 2004; Романов А.В. Парадигма религиосинтеза // Психологические проблемы развития и существования человека в современном мире: Сборник научн. трудов // Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2009. – С. 89–111.
2. См.: Барт К. Послание к Римлянам. – М.: Библейско-богословский институт св. апостола Андрея, 2005. – С. 132, 133.
3. Фромм Э. Адольф Гитлер: клинический случай некрофилии. – М.: Высшая школа, 1992. – С. 18.
4. Горный Е. Некрофилия как структура сознания // (Электронный ресурс). – Режим доступа: http://www.netslova.ru/gorny/necro.html.
5. Горный Е. Указ. соч.
6. Фромм Э. Указ. соч. – С. 16, 20.

Русакова О.Ф., Русаков В.М.

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ СМЫСЛ ДИСКУРСА ВОЗМОЖНЫХ МОДЕЛЕЙ КАРТИН МИРА

(Доклад подготовлен при поддержке Уральского отделения РАН в рамках конкурсных программ фундаментальных научных исследований, проект № 12-И-6-2066)

Русакова
Ольга Фредовна

доктор политических наук, профессор, заведующая отделом философии Института философии и права УрО РАН, президент МАДИ

Русаков
Василий Матвеевич

доктор философских наук, профессор,
Институт международных связей

Вопрос о возможных/невозможных моделях картин мира имеет не только эпистемологическое значение (проблема конструирующей способности сознания и мышления), но и вполне прагматическое измерение: когда «внезапно» рушится одна картина мира и на ее место водружается прямо противоположная – общество испытывает социальную травму. Так, до начала II-й Мировой войны не только немцы считали невозможным фундаментальное перерождение всех мировоззренческих и смысложизненных ориентаций в картине мира (жившей в общественном сознании) подавляющего большинства населения Германии, сделавшее возможным совершение массовых преступлений против человечества и человечности. Процесс «денацификации» немецкого общества растянулся на десятилетия и стал крайне болезненным. В настоящее время Россия переживает аналогичный период тотальной деструкции прежней просветительской, сциентистско-рационалистической и гуманистически-утопической картины мира: под давлением государственного пресса клерикализма, насаждения иррационализма в массовом сознании и сервильности в поведении людей производится построение картины мира, еще совсем недавно казавшейся в принципе невозможной. Страна и общество решительно подталкиваются к национальной катастрофе.

Речь идет о процессах не только в массовом сознании. С разрастанием потребительского общества «коррозии» подвергается научная картина мира или ее существенные